

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

II, 5

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Н. Н. ПОПЕ

Пути повышения речевой культуры западных бурят

Вопросы алфавита, вопросы создания и оформления новых литературных языков, все эти вопросы языкового, если так можно выразиться, строительства не могут решаться в отрыве от общего национального строительства в республиках Союза. Вопросы новых литературных языков на основе живого разговорного массового языка представляют собою часть, и притом одну из наиболее существенных частей, общего вопроса национально-культурного строительства. И правильное решение этих специальных, более узких проблем, возможно лишь при правильном подходе к той общей большой проблеме, составной частью которой они являются.

Национальный вопрос в наших условиях строящегося социализма является одним из кардинальнейших вопросов всей той огромной работы, которая у нас проводится, и которая может быть вкратце определена как социалистическое строительство и культурная революция. Национальный вопрос приобретает особую важность и представляет собою для нас совершенно исключительный интерес, не только в силу тех громадных проблем в теоретической области, которые он выдвигает, и не только в силу тех практических задач, которые теснейшим образом связаны с теоретической, методологической разработкой этого вопроса, но в силу того, что национальный вопрос является тем зеркалом, в котором так ярко, как только возможно, отражается классовая борьба и деятельность различных уклонов от генеральной линии.

Уклоны в области национального вопроса существуют точно так же, как во всех других областях. Интересующие нас уклоны, это уклон к великорусскому шовинизму и уклон к местному национализму.

Как правильно отметил тов. Сталин, они не всегда так заметны и напористы, как левый или правый уклоны, но это не значит, что они не существуют.

Великорусский шовинизм, как известно, стремится обойти национальные различия языка, культуры и быта, ликвидировать национальные республики и подорвать принцип национального равноправия. При этом такие уклонисты ссылаются даже на Ленина, утверждавшего, что при социализме все интересы всех национальностей сольются, и делают тот вывод, что с нацреспубликами пора бы и покончить во имя интернационализма.

Но известно, что Ленин никогда ничего подобного не говорил в тех видах и целях, которые ему приписываются лицами, искажающими его слова. Ленин наоборот говорил, что национальные и государственные различия между народами и странами будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе. И это является диаметрально противоположным тому, что сказал когда-то Каутский, будто победа пролетарской революции в Австро-Венгрии привела бы к образованию одного общего немецкого языка и к онемечению чехов. А пролетарская революция у нас показала как-раз обратное — возрождение таких национальностей, о которых раньше было даже очень мало известно и которые считались вымирающими и исчезающими. Ратуя за слияние языков, за образование одного интернационального языка в пределах одной страны, уклонисты этого типа на деле стремятся подменить этот интернациональный язык великорусским.

Ленин никогда не говорил, что уничтожение национального гнета и слияние интересов всех национальностей равносильно уничтожению национальных различий. И требование уничтожения национальных республик, игнорирование национальных различий есть явление реакционное, направленное против диктатуры пролетариата. И Ленин всегда говорил, что задача партии состоит в том, чтобы помочь массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; развить у себя прессу, школы, театр, поставить широкую сеть курсов и школ. Ленин полностью стоял за лозунг развития национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата. Лозунгом его является социалистическая по содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью укрепить диктатуру пролетариата.

и это прямая противоположность реакционному буржуазному лозунгу буржуазной по содержанию и национальной по форме культуры, как понимают в капиталистических странах национальную культуру. Поэтому, теория об отмирании национальных языков в период социализма в одной стране есть антиленинская, реакционная теория.

Местный национализм состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальности, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей национальности, защититься от великорусского шовинизма путем отхода от соцстроительства, в стремлении не видеть того, что сближает народы СССР, и в стремлении выпячивать только то, что их отделяет. Он отражает чаяния отживших классов обособиться в свое национальное государство и установить свое классовое господство. Он играет на руку контр-революции и интервенции.

Борьба с этими двумя уклонами и является основной задачей в области национального строительства, в частности в области культурного строительства.

Вопросы национально-культурного строительства в Бурятии не представляют собой исключения из всего сказанного. Там в Бурятии мы можем наблюдать в местных условиях те же уклоны, и там стоят перед нами те же самые задачи, что и везде.

Представители великодержавного, великорусского шовинизма, представители западно-бурятской буржуазии, западно-бурятские капиталистические элементы, кулачество, представители этого класса и реакционная интеллигенция, в том числе получившая в свое время русское образование и находившаяся под идейным влиянием русской буржуазии, неоднократно утверждали, что на бурятском языке все равно никогда не удастся построить науку и что ее следует усваивать только через русский язык.

Местные националисты, тесно связанные с монгольским национализмом, с панмонголизмом, ламство и остатки восточно-бурятского нойонства и часть восточно-бурятской интеллигенции, которая с ними сомкнулась, стоят на обратной точке зрения и, представляя собою течение за создание единой и самостоятельной великой Монголии под властью буржуазии, усиленно проводят идею обособления и замыкания в рамках всего монгольского, и в области создания и оформления нового литературного языка говорят о необходимости принять за основу такой язык, который был бы понятен всем монголам (на деле, конечно, эксплуататорскому классу монгольских

народностей) и соответственно этому стоят за необходимость создания новой терминологии исключительно на основе монгольского и притом ламского, феодального литературного языка.

В этой главе мы коснемся лишь одного частного вопроса, а именно, вопроса о мерах поднятия речевой культуры западных бурят, который представляет собою много трудностей, чем и объясняется масса различных уклонений от правильной линии, ибо везде там, где дело представляется сложным, ошибок и уклонов наблюдается особенно много.

Одним из наиболее больных вопросов национально-культурного строительства Бурятии является многоязычность, вернее многодиалектность ее, многообразный характер самого бурят-монгольского языка. Уже неоднократно упоминалось, что буряты разных, даже недалеко отстоящих друг от друга районов, говорят на наречиях, в различной степени отличающихся друг от друга. Так, например, буряты Агинского аймака говорят на несколько ином наречии, чем селенгинские буряты, а последние опять на ином, чем буряты Аларского или Эхрит-Булгатского аймака. Расхождения наблюдаются во всех областях языка: и в области произношения (в фонетике), и в области грамматики (морфологии), и особенно в области словарного запаса. Так, например, известно, что в состав восточной группы входит наречие селенгинских бурят «сакающее» и «чакающее» (ср. *сага* «луна», *сөдөг* «треног»), в то время как остальные наречия отличаются соответствием звукам *s* и *ç* селенгинского наречия звуков *h* и *ç*, например *һага* «луна» и *сөдөг* «треног». Это, конечно, лишь главные отличия, на самом деле их гораздо больше. Таковы, например, соответствия звука *j* в начале слова в эхрит-булгатском звуку *я* других наречий (*jorgoon* «шесть» = *zorgoon*, *ziggaan*; *jada* «копье» = *zada* и т. п.). Особенно трудным и болезненным вопросом является, например, неразличение кратких звуков *ө* и *у* в хоринском наречии и в языке агинских бурят, которые не слышат разницы гласных в словах *унег* «запах», *унеп* «правда», *ундесен* «корень», *пуксн* «яма» и *өндөг* «высокий», *өнөшөн* «сирота», *өмөскө* «одеваться», *пөкөг* «товарищ». Перечислять все эти фонетические расхождения не имеет смысла, так как об этом уже говорилось довольно подробно в разных статьях.

В области морфологии язык западных бурят характеризуется наличием ряда грамматических форм, отсутствующих в языке восточных бурят и наоборот. Достаточно здесь назвать такую глагольную форму, как *сар*, напр., *уkeser* «до смерти», которой нет в языке восточных бурят, употре-

бляющих форму *uketer* и т. п. Но все эти расхождения в области фонетики и морфологии не играют столь большой роли, какую им готовы приписывать обычно лингвисты. Лингвистика вообще до настоящего времени носит узко формалистический характер, и лингвисты готовы отдельные особенности в произношении и морфологии возводить в степень чего-то самодовлеющего и первостепенно важного. На самом деле совершенно не это играет роль, и каждый бурят прекрасно понимает другого, который вместо *saга* — скажет *haga*, вместо *səni* — *həni*, вместо *casan* — *saħan* и т. п. И наоборот, бурят бурята не поймет, если представитель западного наречия в разговоре с представителем восточного наречия употребит слово *sool* «печь» или «зимний дом», *teenje* «подпорки в деревянной юрте» и т. п. Не поймет западный бурят слов *uŋiaa* «стропила крыши войлочной юрты» и многих слов литературно-монгольского происхождения. Значение имеют таким образом, не столько фонетические и морфологические расхождения, сколько несовпадение слов и их значений. Это главное и основное. И на это и нужно обращать внимание в первую очередь. Поэтому, когда мы говорим о мерах поднятия языковой культуры бурят, мы должны прежде всего заботиться о словарном сближении наречий, должны заботиться о том, чтобы писать и говорить так, чтобы нас понимали и западные и восточные буряты, чтобы у этих обеих групп образовался общий словарный запас.

В связи с только что сказанным, необходимо вкратце коснуться вопроса о том, чем вызваны, с одной стороны, столь большие расхождения западного наречия и остальных, и, с другой стороны, вопроса о том, является ли бурятский язык одним языком или их два, или большее количество. Наконец, является ли бурятский язык и халха-монгольский разными языками в отношении друг друга, или наречиями одного и того же языка. Так как подобного рода вопросы приходится слышать довольно часто, на них нельзя не остановиться здесь подробнее.

Чем был бурятский язык в отдаленном прошлом, мы не знаем. Возможно, что это и был один, абсолютно единый язык, но возможно также, что на месте одного единого языка мы имели тогда группу разных, резко отличавшихся друг от друга языков. Во всяком случае в настоящее время бурят-монгольский язык — один язык, не два или три. Это можно доказать тем, что буряты из западных аймаков в общем не плохо понимают бурят с востока. Люди, говорящие на разных языках, так легко общаться друг с другом не могут. Поэтому правильнее говорить не о бурятских языках,

но о наречиях. Кроме того, и это особенно важно, буряты представляют собою одну народность, исторически сложившуюся, конечно, но одну, а не две. И даже отдельные роды бурят в прошлом на западе и на востоке носили в известной части те же родовые названия, например, шарайт в Балаганском дистрикте (по Георги) и среди хоринских бурят, ашабагат в Иркутском дистрикте (по Георги) и среди селенгинских бурят и т. д.

Различные передвижения, перекочевки, привели к перемещению бурятских родов в прошлом. Единая, более или менее, экономика (скотоводство, охота), общие бытовые черты и т. д. — все это заставляет нас говорить об одной народности бурят. Конечно, есть среди бурят и монголы, таковы некоторые селенгинские буряты, являющиеся потомками выходцев из Монголии, но они теперь ничем, кроме своего «цакающего» наречия, от прочих бурят Забайкалья не отличаются. Бурятская народность это ныне одна народность, независимо от того, являлась ли она и в прошлом таковой. Факты говорят скорее в пользу предположения, что буряты разных областей раньше больше отличались друг от друга, чем теперь, но это не имеет отношения к тому, что мы теперь наблюдаем. Расхождения же в языке западных и остальных бурят объясняются тем, что бурятский язык является результатом неполного слияния прежде существовавших там разных языков. Это неполное слияние обусловлено тем, что восточные и селенгинские буряты давно уже испытали на себе влияние феодальной Монголии, монгольского феодализма, который сгладил резкие отличия подпавших под его влияние и объединенных им наречий. На западе же сохранились многочисленные пережитки родового строя почти до последнего времени и влияние монгольского феодализма западные буряты испытали в меньшей степени.

Если бурятский язык мы склонны были объявить одним языком и наречия его лишь наречиями одного языка, то взаимоотношения бурятского и халха-монгольского языков иные. Это не наречия одного и того же языка, но разные языки, правда, близкие, очень близкие, но не наречия, поскольку бурятский язык отличается в целом, включая все наречия, рядом черт, свойственных лишь ему (наканье в большинстве диалектов, личное спряжение, такие формы, как *шап-соо* и т. п., особенно же словарный запас). Кроме того, если бурятский и халха-монгольский суть наречия одного языка, то позволено будет поставить вопрос, какого. Очевидно, «общемонгольского», являющегося фикцией, созданной формальным языкознанием.

Вопросы языка теперь приобретают совершенно исключительное значение, ибо язык в наших условиях социалистического строительства и культурной революции является орудием вовлечения в строительство широчайших масс. Язык является проводником завоеваний культурной революции.

Вместе с тем, или вернее, прежде всего, язык есть орудие классовой борьбы. Сказать, что язык отражает классовую борьбу было бы слишком мало. Он, конечно, отражает ее, подобно тому как он отражает все то, в условиях чего он создается и развивается. Но язык есть не только отражение классовой борьбы, но и орудие ее. Особенно ярким примером этого является научная, философская и т. д. терминология. Если старый феодальный ламский язык понятие материализм передает термином *tasarkaı uzel* «оторванное мировоззрение», то это одно из проявлений именно классовой борьбы, борьбы в пользу идеализма и против материализма. Через язык массам делаются доступными достижения социалистического строительства и культурной революции. Говоря особенно о последней, следует заметить, что мы без языка, без живой разговорной речи, без языка литературного не можем ее себе даже представить. Без литературы, без научной литературы, без художественной литературы невозможна в наших условиях культурная революция, как, впрочем, трудно себе представить вообще какое бы то ни было идеологическое воздействие.

Итак, язык есть орудие классовой борьбы и в наших условиях орудие вовлечения трудящихся масс в социалистическое строительство, проводник достижений культурной революции и ее орудие.

На бурятском языке выпускаются и должны выпускаться в еще гораздо большем количестве книги и брошюры по целому ряду важнейших вопросов, не говоря уже о периодической печати. Кроме того, нам нельзя забывать того чрезвычайно важного обстоятельства, что мы вступили в период социализма и следовательно поднимаемся на высшую ступень экономического и культурного развития. Это необходимо все время помнить, так как трудящиеся массы уже не могут удовлетворяться той книжной продукцией, которую мы до сих пор выпускали. В самом деле, какова книжная продукция Бургиэ'а и других организаций? Ее составляют книги и брошюры на политические темы, посвященные вопросам колхозного строительства, мы имеем также книги по здравоохранению, охране материнства и младенчества и т. д. Слов нет, продукция вполне удовлетворительная и книги эти такого рода, что мы ни на секунду не можем допустить

сомнений относительно их полезности и нужности. Но этого слишком, слишком мало. Все эти книги рассчитаны в большинстве своем на малокультурную массу. Целью их является дать лишь элементарнейшие сведения по ряду вопросов и дать возможность трудящемуся националу немного повысить свой низкий культурный уровень. Нам нужно помнить, однако, что некультурность, являющаяся действительно нашим бичом, теперь иная, чем несколько лет тому назад. По этому поводу хочется привести слова т. Сталина, сказанные им в заключительной части на XVI Съезде партии: «Наш период обычно называется периодом переходным от капитализма к социализму. Он назывался периодом переходным в 1918 г., когда Ленин в своей знаменитой статье «О левом ребячестве» впервые охарактеризовал этот период с его пятью укладами хозяйственной жизни. Он называется переходным в настоящее время, в 1930 г., когда некоторые из этих укладов, как устарелые, уже идут ко дну, а один из этих укладов, а именно новый уклад в области промышленности и сельского хозяйства, растет и развивается с невиданной быстротой. Можно ли сказать, что эти два переходных периода являются тождественными, что они не отличаются друг от друга коренным образом? Ясно, что нельзя.» Эти слова т. Сталина имеют гораздо большее значение и для того вопроса, который мы обсуждаем, чем это обычно думали. Дело в том, что культурный уровень той же бурятской трудящейся колхозной массы ныне иной, чем несколько лет тому назад. И если мы совершенно основательно говорим о необходимости повышения культурного уровня масс и не считаем его достаточно высоким, наоборот, признаем его слишком низким и несоответствующим нашей эпохе, мы тем не менее ни на минуту не должны забывать того, что нашей задачей является повышение культурного уровня совсем иного, чем несколько лет тому назад, уже неизмеримо более высокого, чем в столь недавние еще времена. Нам нужно думать о том, чтобы бурят-трудящийся получил и техническую книгу, чтобы политехнизация, о которой мы много говорим, действительно была проведена и осуществлена: Книги по технике еще не все. Нам нужны книги, знакомящие читателя с разными вопросами естествознания, притом книги повышенного типа. Вопросы экономики должны стать объектом интереса читателя-трудящегося. Всех этих вопросов здесь не перечтешь. Можно ограничиться лишь добавлением к сказанному художественной революционной прозы и поэзии, истории бурят-монголов, издания хотя бы небольшого энциклопедического словаря и т. д.

Культурный рост масс на деле гораздо более значителен, чем мы это можем себе представить, и нужно сознаться, что наша книжная продукция не совсем правильно отражает этот рост и не в полном объеме удовлетворяет культурным запросам, предъявляемым трудящейся массой. Это нужно учитывать.

Осуществить вышесказанное, конечно, трудно. Трудностей множество, и основной является неразработанность бурят-монгольского языка и его многообразный характер. Но здесь нам на помощь идут два обстоятельства.

Характер языка бурят-монголов в настоящее время определяют два основных момента: прежде всего социально-экономические сдвиги, наблюдаемые нами сейчас, и латинизация письменности, обусловленная ими, через которую опосредствованы эти сдвиги, определяют новейший характер языка. Облик современной Бурят-Монголии резко изменила коллективизация сельского хозяйства. Кочевые и полукочевые районы становятся оседлыми, и вся Бурятия покрылась мощными артелями и юммунами. Артели и коммуны, состоящие из бедняцкого и середняцкого населения ряда районов, притягивают к себе не только население данной местности, но также население других, часто отдаленных районов. Население коммун по своему происхождению мешанное: здесь можно встретить и бурята из такого-то сомона и из другого, а часто даже бурят из совсем других аймаков. В колхозах происходит, как уже отмечено нами в другом месте, языковое взаимодействие. Мелкие диалектические черты языка говорящих исчезают и создается особый язык на основе ряда наречий. Этот язык мы можем рассматривать как зародыш будущего общепурятского языка, общенационального по форме, а по содержанию уже являющегося языком класса трудящихся сегодняшнего дня.

Начался процесс слияния отдельных наречий под влиянием социально-экономических сдвигов, особенно под влиянием коллективизации, роль которой как фактора, объединяющего разрозненные диалекты, громадна. Коллективизация является важным фактором, влияющим на всю дальнейшую историю бурятского языка и определяющим ход ее.

Коллективизацией сельского хозяйства дело не исчерпывается и не к ней одной сводится социалистическое строительство Бурят-Монголии. Мы не должны забывать того, что из скотоводческо-аграрной области Бурят-Монголия в ближайшее же время превратится вдобавок еще в индустриальную, в промышленную, аграрно-промышленную страну. Уже теперь

в ряде районов Бурятии наблюдается мощное развертывание промышленности. Так, например, в Верхнеудинске мы имеем стекольный завод-гигант всесоюзного значения. Имеются и прежде существовавшие заводы и фабрики, например, Чикойский. Далее нужно указать Ангарстрой. Ангарстрой — реальность, с которой мы должны считаться. А это означает такое огромное изменение во всей экономике и культуре особенно западных аймаков Бурят-Монголии, о которых мы едва ли отдаем себе полный отчет. Прежде всего это означает образование и там мощного ядра бурятского промышленного пролетариата в дополнение к уже имеющимся незначительным кадрам его, и этим сказано почти все: Таким образом дальнейший ход развития нового бурятского языка будет определять тот крупнейший фактор, что он уже является языком бурятского пролетариата, не только колхозной массы и сельских коммунаров, но рабочих промышленности. Роль этого языка или диалекта национального бурятского пролетариата безусловно должна быть расцениваема как роль ведущего языка, ведущего диалекта, организующего и определяющего весь ход развития бурят-монгольского языка в целом, по которому будут равняться диалекты его, в частности, новый междиалектный колхозный язык.

Вторым моментом, существенно оказывающим влияние на ход развития бурятского языка, является латинизация письменности. От старого алфавита и мертвого литературного языка феодального класса средневековой Монголии, от языка ламской литературы, буряты перешли на новый латинский алфавит и новый литературный язык на основе разговорного языка трудящейся массы. Помимо того, что этот литературный язык и новая письменность требуют неизмеримо меньше усилий для их усвоения, что колоссально распространит грамотность, необходимо привести еще такое важное соображение, что язык этот не только является разговорным в основе, что обеспечивает его обогащение все новыми элементами по мере обогащения живой речи, но и сам будет изменять живую речь, вносить в нее свое, свой стиль, свои обороты и т. д., т. е. будет делать с живой речью то же, что обычно делают живые литературные языки с живой разговорной речью — придаст ей более отделанный, более, я сказал бы, культурный облик.

Итак, таковы условия, в которых теперь живет и развивается язык бурят-монголов. Установление важнейших моментов, определяющих его характер и дальнейший ход его развития, сильно поможет разобраться

в вопросе о том, какими мерами можно повысить речевую культуру бурят, в частности западных, которых особенно имеет в виду настоящая статья.

Прежде всего, перед тем как перейти непосредственно к теме статьи, да позволено будет поставить вопрос, почему мы так беспокоимся из-за западных бурят? Действительно ли столь существен вопрос о мерах повышения их речевой культуры? Отвечаем на это, — да, действительно очень серьезный и существенный вопрос. Языковая культура западных бурят должна повышаться и притом очень энергичными мерами. В прошлом западные буряты стояли в стороне от просвещения и культуры. Национальной письменности они не имели, поскольку западная Бурятия почти осталась в стороне от влияния монгольского феодализма и дольше сохраняла многочисленные пережитки родового строя. Они подвергались местами стихийному обрусению под влиянием политики угнетения. Но не это причина, заставляющая нас серьезно браться за повышение их речевой культуры. Самым главным являются здесь три момента. Прежде всего западные буряты отнюдь не представляют собою какое-нибудь ничтожное меньшинство. Наоборот, их очень много и они составляют весьма значительную часть всего бурятского населения, примерно 30%. При этом, а это второе и тоже существенное, — западные буряты представляют собою оседлое население, уже с давних времен занимающееся земледелием, обнаруживая этим даже в известной степени преимущественное положение перед бурятами полукочевых и кочевых районов востока. К этому нужно прибавить третье, и для нас теперь самое главное, что западная Бурятия в связи с осуществлением Ангарстроя превратится в ближайшее же время тоже в передовой район Восточной Сибири, где будут сконцентрированы вся наиболее крупная промышленность и энергетические центры ее. Район величайших в мире электростанций и мощный каменноугольный бассейн, какой представляет собою западная Бурятия, не может оставаться в стороне от вопросов языковой политики. Ангарстрой — целая сеть крупнейших гидроэлектростанций и заводов. Он будет передавать свою энергию на дальние расстояния и сильно разовьет промышленность Бурятии. К имеющимся уже кадрам бурятских рабочих, занятых на железной дороге, кожевенных заводах, лесозаготовках и т. д., он прибавит значительное количество новых рабочих, стянет к себе рабочих разных специальностей, из разных районов, в том числе и главным образом бурят из западных районов, и создаст условия очень мощного языкового взаимодействия. Не следует, конечно, преувеличивать значение Ангарстроя и роли

именно западной Бурятии в индустриализации всей республики, поскольку индустриализация ведется не только там, но нельзя забывать только того, что западная Бурятия очень сильно изменится под влиянием Ангарстроя, и это создаст очень сильные предпосылки для развития и языка западных бурят.

Вопрос о повышении речевой культуры западных бурят поэтому не праздный вопрос, но один из насущнейших вопросов культурного строительства Бурятии в целом.

Переходя теперь к вопросу о мерах повышения речевой культуры западных бурят, нужно заметить, что утверждение, будто западные буряты совершенно обрусели и что никакие меры их «спасти» не помогут, неверно. Западные буряты в своем домашнем обиходе пользуются бурятским языком, вовсе не больше подвергшимся русскому влиянию, чем восточные. Наличие же у них высокохудожественных эпических произведений, улигеров и других видов устного творчества свидетельствует о значительном богатстве языка, вполне способного быть языком литературным, в частности, языком художественной литературы. Таким образом трудности не так велики, как это думается.

Конечно, является неоспоримым фактом, что западные буряты плохо понимают книги и газеты даже на новом литературном языке. Отчасти это объясняется тем обстоятельством, что почти все до сих пор написанное было написано на литературном языке на основе халха-монгольского языка. Положение его в основу нового литературного языка было действительно крупной ошибкой, вытекавшей из неправильного понимания национального вопроса в наших условиях строящегося социализма, когда мы не должны останавливаться перед тем, чтобы вместо воссоединения народов осуществлять их разъединение с тем, чтобы национальная по форме культура действительно могла успешно развиваться и впоследствии было достигнуто на более высокой ступени объединение национальностей и их языков на иных началах. Процесс этот диалектичен и диалектику его не учли, как следует. Но теперь это ликвидировано, и в основу нового литературного языка положено селенгинское наречие, что обеспечивает развитие этого языка и его распространение.

Говоря о роли и значении селенгинского наречия, следует заметить, что район его распространения имеет чрезвычайно большое экономическое значение. Помимо того, что это район почти сплошной коллективизации, в каком-то отношении он не отличается от западной Бурятии, он является

еще районом, по которому проходит единственный водный путь и мощный сухопутный тракт в Монголию, к которым в ближайшее же время прибавится еще железная дорога. Уже теперь на лесозаготовках Селенгинского аймака и на водном транспорте работает много бурят. Там же сконцентрированы такие мощные промышленные центры, как Чикойский завод, и запроектированы гидроэлектрические станции. К тому же это пограничный район с Монголией, играющий большую роль. Наконец и его наречие, являясь близким к халха-монгольскому языку, в остальном понятно даже западным бурятам и в то же время не отличается теми специфическими характерными чертами, которые свойственны исключительно западному наречию, почему выбор его следует признать очень удачным, поскольку через это наречие может быть осуществлено использование для нового литературного языка положительных черт халха-монгольского языка, важность которого признается постановлением по этому вопросу Обкома ВКП(б) БМАССР.

Как сказано, положение в основу нового литературного языка селенгинского наречия обеспечивает распространение новой письменности. Тем не менее западные буряты и его не всегда хорошо понимают. Попробуем выяснить, чего они не понимают.

Основной словарный запас западных бурят тот же, что у восточных бурят, и слова, не относящиеся к какой-нибудь узко специальной области в языке западных бурят, в общем те же самые, что в языке восточных бурят (различие в произношении оставляем вполне сознательно в стороне). Непонятными же являются для западных бурят преимущественно слова книжно-монгольского происхождения, относящиеся в частности к таким областям, как феодальное делопроизводство, буддийская философия и т. п. Это понятно, так как западные буряты не знали монгольской письменности, и господствующий класс западных бурят был культурно связан не с Монголией, но в течение последних веков с Россией, в то время как господствующий класс восточных бурят был более тесно связан с монгольским феодализмом. Здесь необходимо еще раз напомнить, что письменный монгольский язык, являвшийся языком письменности господствовавшего класса всех монгольских народностей и игравший роль узко классового и межнационального монгольского языка, этой роли не играл в западной Бурятии, где эта роль уже давно перешла к русскому языку. Но там, где какая-нибудь письменность существует, хотя бы только среди представи-

телей одного господствующего класса, эта письменность, в силу ряда причин, делается также достоянием широкой массы, правда, в очень слабой степени. Неизбежным отсюда является, что западные буряты, познакомившись с русской письменностью, в целом были совершенно не знакомы с монгольской, которая, хотя и слабо, но все же была распространена среди восточных бурят и притом, в виду сказанного, отнюдь не среди одних только представителей господствующего класса. И отсюда же вытекает, что подвергшиеся большому русскому влиянию западные буряты совершенно остались в стороне от влияния монгольской письменности. И этих элементов книжного монгольского языка, т. е. преимущественно ламского языка, западные буряты совершенно не понимают. Сюда входят, например, слова относящиеся к делопроизводству, различные феодальные монгольские термины, китайские и тибетские слова, а также вся ламская научная терминология (медицинская, математическая, философская, грамматическая и т. д.). В частности, непонятной является и часть новой революционной терминологии, возникшей в Монголии и перенесенной в Бурятию.

Говорить о путях поднятия речевой культуры бурят в целом, таким образом, означает устранение моментов непонимания, относящихся к области терминологии политической, экономической и т. д.

Как же достигнуть устранения их и как сделать новый литературный язык доступным и понятным также западным бурятам?

Главное условие осуществления этого уже имеется налицо: имеем в виду латинизацию письменности. По поводу ее необходимо заметить, что далеко не всегда наблюдается правильное понимание того, что мы называем латинизацией. В самом деле, что такое латинизация письменности? Ответ, гласящий, что латинизация письменности есть переход на новый латинский алфавит, только отчасти удовлетворяет нас, поскольку он не охватывает самого главного. Дело не в одном лишь переходе на новый алфавит, но в переходе на латинский алфавит и вместе с ним на новый литературный язык на основе разговорного. Латинизация письменности есть единство перехода на новый более совершенный алфавит и на новый, современный литературный язык на основе разговорного языка трудящихся масс. Это единство и составляет революционную сущность латинизации, ибо переход на новый алфавит при сохранении старого литературного языка с соблюдением его правил орфографии не может рассматриваться как правильное, марксистское разрешение вопроса о письменности. К этому нужно приба-

вить еще самое главное, а именно, что переход на новый литературный язык при этом рассматривается как переход на данном этапе на новый классовый литературный язык, на литературный язык на основе языка трудящейся массы, главным образом — в настоящий момент — колхозников и все увеличивающихся кадров рабочих. В этом и заключается основное качественное своеобразие этого нового литературного языка, как языка трудящихся. Величайшей ошибкой было бы терять из виду это обстоятельство, иначе неизбежным явится непонимание классовой сущности латинизации письменности на нашем этапе. Ведь латинский алфавит навязывается капиталистами всех стран угнетенным народам колоний, но мы это не называем латинизацией, поскольку такая «латинизация» является фактически одним из орудий того же национального угнетения. Такая латинизация не является революционной, поскольку она представляет собой орудие национального и классового угнетения, орудие реформированное, усовершенствованное и ловко замаскированное. Подлинно же революционный характер латинизации заключается в единстве перехода на латинский алфавит и новый литературный язык на основе разговорного языка широких масс трудящихся.

Когда мы говорим о новой письменности бурят-монголов и их литературном языке, мы имеем в виду конечно литературный язык на основе разговорного языка широких трудящихся масс, колхозников и еще немногочисленного пока промышленного пролетариата. Классовый характер этой письменности на данном этапе нам совершенно ясен. И этот классовый характер ее и делает ее неясной всем бурятам-трудящимся, поскольку классовый субстрат здесь совершенно однородный и язык развивается в одних и тех же условиях социалистического строительства. Это повидимому не всем ясно, так как в своей брошюре «Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры» (Баку, 1929) Б. Б. Барадин на стр. 11 находит возможным говорить о внеклассовых или интернациональных языковых формациях. Характерными внеклассовыми элементами языка Б. Б. Барадин считает при этом научные термины. Трудно себе представить более ошибочное и вредное мнение, чем это. Прежде всего нужно заметить, что все интернациональные языки как-раз являются сугубо классовыми и для всех прошлых эпох они являются как-раз языками господствующего класса. Такова, например, латынь в средневековьи, являвшаяся языком науки и литературы феодалов, католических миссионеров,

иезуитов и т. д. и орудием духовного угнетения масс не только своей страны, но и других стран. Немцы, французы, итальянцы, чехи и т. д. всё говорили на разных языках, но их феодалы и духовенство писали по-латыни, которая являлась языком господствующего класса. И что научная терминология является классовой, а не интернационально-внеклассовой, как думает Барадин, доказывает он сам же, когда в редактированном им «Русско-монгольском терминологическом словаре» (Верхнеудинск, 1928) он сохраняет такие термины, как «материализм» — *tasalkai yzel* и «идеалист» — *saišaaka yzelten*. Вот уже подлинно «внеклассовая» терминология, чисто ламская, протаскиваемая в новый литературный язык, классовый характер которого остался Б. Б. Барадиным повидимому не понятым.

Говоря о классовом характере нового литературного языка как языка трудящихся масс, колхозников и промышленного пролетариата, мы должны твердо помнить, что главным условием при котором он будет понятным и близким бурятским трудящимся, является именно проявление достаточного понимания его классового характера при создании новой терминологии, являющейся самым больным местом в вопросах новой письменности. Новая терминология сплошь да рядом классово-чужда трудящейся массе. Классово-чуждым является, например, такие термины, как *kuserken barika zasag* или *daranguilan zakirka zasag* «диктатура», *nomlogšo* «лектор», *nomlol* «лекция» и т. д., так как напр., термин *nomlol* в дословном переводе означающий «проповедь», в частности, «религиозная проповедь», очень далек от нужного нам термина со значением «лекция» и т. д. Обо всех этих терминах следует сказать в заключение следующее. Обычные термины, например, в русском языке давно перестали в большинстве случаев ассоциироваться с основными, если так можно сказать, первичными значениями составляющих их слов. Так, например, термин логика или идеология совершенно не ассоциируются с теми первоначальными понятиями, которые передаются словами, входящими в состав этих терминов. Вспомним, например, термин «религия», который происходит от *religare* и означал первоначально «связь», на чем построил свою идеалистическую теорию Фейербах, прибегший к этимологизированию термина «религия», на что Энгельс заметил, что такие этимологические фокусы представляют собою последнюю лазейку идеалистической философии. «Словам приписывается не то значение, какое получили они путем долгого истори-

ческого употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своей этимологической родословной», говорит по этому поводу Энгельс.

И вот перечисленные выше ламские термины совершенно не потеряли своей связи со словами, легшими в их основу и *saišaaka yzel* означает на обычном языке, не ламском, только «идеология одобрения». Названные термины, имя которым легион, классово-чужды и потому непонятны трудящимся западной Бурятии, в прошлом не знавшим феодального литературного языка и потому не понимающим его терминов, в которые ныне вкладывается новое содержание. Итак, поднятие терминологии на революционную марксистскую высоту, поднятие на эту высоту работы по созданию терминологии явится основным условием поднятия речевой культуры западных бурят. Необходимо объявить решительную борьбу протаскиванию таких терминов. Одной только работы над созданием новой терминологии еще недостаточно, необходимо вести активную борьбу со старой, вести широкую разъяснительную работу и разоблачать тех, кто под видом новой революционной терминологии на деле протаскивает ламскую терминологию.

В связи со сказанным, возникает, однако, вопрос о правильном, рациональном использовании старого наследия. Было бы величайшей ошибкой полностью отказаться от старого наследия. Это было бы своего рода пролеткультовщиной и несомненным загибом на фронте культурного строительства. Старая, в том числе и ламская терминология, конечно, в известной части могут и должны быть использованы. Отрицая, отвергая термины совершенно неизвестные и непонятные массам или вызывающие у них совсем иные представления, чем те, которые они должны вызывать, мы должны сохранить широко распространенные, понятные и прочно вошедшие в обиход термины вроде *niigem zuram*, *ууг*, *eb kamta*, *angiiin temecel*, *niudargan bajašuid* и т. п. и ни в коем случае не должны их насильственно изгонять.

Новый литературный язык развивается в условиях строящегося социализма, который в живом разговорном языке уже произвел целую революцию, обогатив его своими классово-национальными и интернациональными словами и выражениями. Если прислушаться к речи нынешних колхозников, нас поражает обилие русских революционных терминов и интернациональных, которые просто вошли в обиход. Между тем мы до сих пор встречаемся с различными пуристскими течениями и стремлениями оберегать язык от иноязычных терминов. Это тоже одно из проявлений

того же самого непонимания классового характера современного языка. Классовость, пролетарский характер языка как раз в этом и выражается, что он усваивает термины международного революционного пролетарского движения, и попытки преградить путь этим элементам языка международного пролетариата должны быть расцениваемы как попытки антипролетарские. Вместе с тем, однако, ни в коем случае нельзя впадать в другую крайность, в абстрактный интернационализм и игнорировать своеобразие национальной пролетарской культуры. Во всем должна быть соблюдаема генеральная линия. И интернационализация, и культивирование национальных особенностей, но не первое без второго или наоборот. Мы должны помнить указания т. Сталина, что пролетарская революция не уменьшает, но на известном этапе умножает количество национальных языков, и выдвигает даже такие, о которых раньше никто и не слышал. Итак, второе условие не подменять подлинно существующей в языке трудящихся масс терминологии искусственной, но внедрять в язык письменности эти элементы как интернациональные, так и свои национальные. Между тем мы до сих пор наблюдаем стремление обходиться одними лишь феодальными терминами старой письменности и националистические, местно-шовинистические попытки создавать искусственные термины на основе старых слов феодального языка. Необходимо объявить борьбу с местным шовинизмом и борьбу с великодержавным шовинизмом и абстрактным интернационализмом. Таков должен быть революционный лозунг в деле оформления новой терминологии.

Переходим к конкретным мерам повышения речевой культуры бурят и особенно западных.

Прежде всего необходимо поставить на принципиальную методологическую высоту работу в области терминологии. Новая терминология, отнюдь не только одна революционная, но относящаяся ко всем областям социалистической экономики и ко всем надстроечным областям, должна отражать классовый характер всего нового литературного языка в целом, качественным своеобразием которого является его характер, языка широких трудящихся масс — колхозников, промышленных рабочих и т. д., строящих социализм в условиях нашего Союза. Это означает, что терминология нового бурят-монгольского литературного языка должна быть классово-выдержанной и близкой массе. В нее должен быть открыт доступ элементам международной пролетарской терминологии. Широко должны войти в него термины, создавшиеся в условиях пролетарской

революции у нас в СССР. Наконец, в значительной части эта терминология должна строиться на национальном языковом материале. В качестве примечания к этому третьему пункту нужно добавить, что под национальным материалом мы подразумеваем классово-национальный языковой материал и притом бурят-монгольский. Термины феодального языка монгольской письменности не являются таковыми, поскольку старая монгольская письменность была классово-национальной письменностью монгольских феодалов и была чужда даже большинству монголов, не говоря о западных бурятах. Следует постоянно помнить, что язык старой монгольской письменности был мертвым, не разговорным, и был в обиходе лишь в монгольских феодальных кругах. Нельзя поэтому эту терминологию протаскивать в новый литературный язык на том основании, что она национальная или была национальная. Она национальная, но не бурятская и притом она со стороны своего классово-национального характера не пролетарская, не терминология языка трудящихся масс. Отсюда вывод — терминология научная, например, философская, литературоведная и т. п. должна быть перестроена на совсем иных началах. Берем наугад такой термин как «диалектика», который переводился раньше словами *уҗар җалтаадиі укаан*. Спрашивается удачный ли он? Конечно, нет, ибо под «наукой о причинах и следствиях» мы можем понимать и формальную логику. Наоборот, *ојуун бодолгиін укаан* «логика» может легко сойти за психологию, которая, кстати, переводится почти теми же, по существу, словами *ојуун седкилиг җинзелке укаан*. Конечно, ни психология, ни логика, ни диалектика не могут передаваться бурятскими словами, как они не могут передаваться и русскими. Переходя к такому термину, как «ясли», можно заметить, что самым удачным термином было бы, конечно, *јаҗали*, который пользуется широкой известностью в колхозах Селенгинского аймака. Конечно, его можно было бы перевести на бурятский язык, но перевод этот вероятно будет довольно громоздким, а терминология должна быть простой, и термины должны по возможности состоять из одного слова. Это сильно облегчает их усвоение. Но, конечно, нет никаких оснований заменять термин *нидарган* русским термином или *нигет зигам* международным, поскольку они вошли в язык и общеизвестны.

Второе условие — это создать в ближайшее же время орфографический и терминологические словари нового литературного языка, при составлении которых следует избегать ошибок, которые раньше допускались в подобного рода мероприятиях. Словари эти должны быть рассчитаны

на преподавателей техникумов, средних и низших учебных заведений, на работников госаппарата и кооперации и т. д. Они должны содержать в себе тот минимум слов, который необходим при чтении периодической печати, книг и брошюр на экономические, политические и т. д. темы и при составлении различного рода ведомостей, отчетности. Они должны быть помощью литработникам, стенкорам, раб- и селькорам, начинающим писателям и поэтам из числа рабочих и колхозников.

В третьих укажем здесь издание большого количества книг на темы колхозного строительства, по экономике, по разным вопросам политического характера, обороне страны и т. д. с краткими приложениями в виде толковых словариков наиболее часто встречающихся основных терминов, могущих быть неизвестными западным бурятам.

Четвертым и очень важным условием является переквалификация переводчиков и вообще литературных работников. Необходимо создать для них кратковременные курсы, на которые следует принять по возможности большое количество западных бурят. Необходимо вербовать переводчиков из западных аймаков и вовлечь их в переводческую работу.

Пятое условие — это издание на местах газет в колхозах и коммунах. В это дело необходимо вовлечь местных колхозников, максимально увеличить кадры селькоров. То же самое можно сказать и о стенных газетах. Местных газетных работников следует переквалифицировать, дать им большую квалификацию, развить их стилистические навыки, приемы, привить им умение литературно выразиться и более тщательно подходить к форме изложения своих мыслей.

Совершенно необходимым является увеличение ликпунктов, что выдвигаем в качестве шестого условия. Необходимо энергично взяться за ликвидацию неграмотности на новом алфавите в западных аймаках и провести там национализацию школьной сети и аппарата.

Седьмым условием является издание художественной прозы и поэзии, а также пьес на бурятском языке с сохранением некоторых диалектических особенностей языка западных бурят. Сюда войдут революционная поэзия и беллетристика, сборники революционных песен, а также собрания наиболее ценных произведений устного творчества.

Последние явятся увлекательным чтением и для детей, к повышению языковой культуры которых мы должны подойти со всем вниманием. Вообще главным недостатком деятельности Бургиза является почти полное

отсутствие детских книг. Между тем на бурятский язык можно было бы перевести ряд художественных детских книг для всех возрастов, например, путешествия, изобретения и открытия, индустриализация и социалистическое строительство в Союзе, детское движение во всем мире, эпизоды из истории гражданской войны. Над детской книгой нужно особенно подумать.

В качестве восьмого условия следует выдвинуть необходимость периодического обмена преподавателями школ западных и восточных аймаков, с тем, чтобы учителя западники могли повысить свою квалификацию на востоке и наоборот, чтобы преподаватели восточники могли свои знания и навыки применить на практике в западных аймаках.

Девятым условием является организация небольшого научного семинара по языкознанию, в частности, диалектологии, для преподавателей и учащихся педвуза. Обычно в вопросах языкознания мы сталкиваемся у них с полным незнанием самых основных моментов. Небольшая лингвистическая подготовка преподавателей и будущих педагогов принесет несомненно большие результаты.

Наконец, десятым условием является продолжение научного изучения говоров и наречий бурят-монгольского языка.

Необходимо приступить к составлению полной грамматики его наречий и полного словаря. Необходимо издание текстов записей образцов различных наречий и составление небольшой диалектологической хрестоматии, куда вошли бы образцы всех наречий, будь то в виде песен, загадок, сказок и рассказов, отрывков эпических произведений или в виде собрания рассказов из повседневной жизни.

На этом можно закончить. Как видно, условий выдвинуто довольно много. Но можно полагать, что выполнение хотя бы некоторых из них даст уже в ближайшее время весьма богатый результат. Попрежнему неприкаемым призраком стоит перед нами вопрос кадров. Он тоже должен получить свое разрешение и притом без отсрочек. Необходимо срочное выделение в ряды нашей аспирантуры при языковедных вузах и научно-исследовательских учреждениях значительного количества молодых бурятских работников. Ведь в самом деле, ненормальным является положение, когда научным исследованием бурятского языка занимаются главным образом работники из центра, появляющиеся наездом на краткие сроки. Работу эту должны вести сами буряты, а работники центра на первых порах, пока дело это не организуется окончательно, могут руководить и помогать,

но не выполнять все своими руками. Лингвистический отдел Института культуры ведёт очень большую и полезную работу, успешное проведение которой обеспечивается наличием в нем высококвалифицированных и очень знающих работников, но основное зло в том, что их слишком мало и, будучи загружены текущей работой, тоже очень важной и необходимой, они не могут всем руководить и всем заниматься. Вопросы кадров поэтому являются одними из самых острых и больных и тут нужно что-то сделать. И то можно впасть в очень пессимистическое настроение, если подумать, что при условии немедленного выдвижения ряда работников в аспиранты, мы получим готовых квалифицированных работников лишь через три года.

Заканчивая статью, можно заметить, что все эти трудные вопросы могут быть разрешены лишь при известной настойчивости и упорстве. Благоприятным обстоятельством является для разрешения их то, что некоторые вопросы уже решаются самой жизнью. Но мы не должны полагаться на самотек и должны произвести организованное вмешательство в положение вещей и ускорить процессы, сами собой намечающиеся.
